

РИТА ХОФФМАН

МРАЧНЫЙ ВЗВОД

МОРОВОЕ ПОВЕТРИЕ

фэнтези

МИОО

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	7
Глава 1. Ярина	17
Глава 2. Лука	27
Глава 3. Станислав	44
Глава 4. Ярина	56
Глава 5. Лука	78
Глава 6. Станислав	108
Глава 7. Ярина	118
Глава 8. Лука	131
Глава 9. Станислав	149
Глава 10. Ярина	162
Глава 11. Лука	174
Глава 12. Ярина	190
Глава 13. Лука	210
Глава 14. Ярина	246
Глава 15. Станислав	270
Глава 16. Лука	282
Глава 17. Ярина	293
Глава 18. Лука	316
Глава 19. Владлен	331
Глава 20. Ярина	343
Глава 21. Лука	356
Глава 22. Владлен	375
Глава 23. Ярина	389
Глава 24. Лука	409
Глава 25. Владлен	420

Глава 26. Ярина	436
Глава 27. Лука	451
Глава 28. Владлен	460
Глава 29. Лука	493
Глава 30. Ярина	505
Глава 31. Лука	517
Глава 32. Владлен	524
Эпилог	531
Вместо послесловия	540

«Мрачный Взвод»

I

Вздымин час

II

Двенадцать дней Коляды

III

Пробуждение Нави

IV

Морохов повстрис

Нести через тьму
У сердца огонь.
Я снова усну
В поле под голос твой.

Зарыть под кресты,
Остыть до весны,
Отпеть и простить
До красной луны

И новой тропой
За яркой звездой
Сквозь чащи да мрак
Уйти.

Группа «Сруб». Люто любить

ПРОЛОГ

Ярилов град лишился царя и царевича, люди остались под присмотром Доброгнева и его помощницы, которой тот разве что ноги не целовал. Доброгневу понравилось сидеть на троне, издавать указы да одним взмахом руки избавляться от неугодных. Прежде самопровозглашенный царь верил, что неведомая хворь царевича сморила, думал: «Вот поправится юнец, отдам ему отцовское место!» — но со временем в его голове поселились темные мысли, стал он забывать, что народ ждет возвращения Елисея.

Если прежде его совесть была беспокойна и на троне он чувствовал себя самозванцем, то после нескольких лет царствования все забылось: и смерть друга, и захворавший мальчишка. Стало казаться, что он заслужил и царские палаты, и уважение народа. Помощница его, темноглазая Чеслава, только важно кивала и уверенно говорила:

— Трон твой по праву, властитель. Царствуй и ни о чем не думай, а если найдутся те, кто против тебя пойдет, недолго они на этом свете проживут.

И Доброгнев царствовал. Старался быть хорошим правителем, почем зря людей не обижал, но нет-нет да вспоминал о своем друге, тело которого сам в Ярилов град принес. И о сыне его тоже помнил, только гнал эти

мысли прочь, старался убедить себя, что мальчишка давно помер.

Жаль ему Елисея было, до боли в сердце жаль! Он его как собственного сына растил: на плечах катал, на ярмарки водил, горевал, когда захворал царевич.

Шло время, и каждый день, проведенный на троне, стал казаться Доброгневу пыткой. Он не спал, плохо ел, осунулся и похудел, но никак не мог понять, что с ним творится. Помощница за царем ухаживала, готовила отвары, отпаивала его теплым молоком, после которого Доброгнев забывался дурными, тяжелыми снами. Но не становилось ему лучше, никто из лекарей помочь не мог — приглашали ко двору и ведуний, и колдунов, а царь продолжал чахнуть.

Доброгнев смотрел в зеркальце, подаренное заморскими послами, и видел там потерянного человека, утратившего волю и любовь к жизни. Глаза его почернели, нос заострился, кожа стала серая-серая. Он тяжело дышал, то и дело хватался за грудь. Дурно ему было, с каждым днем все хуже становилось.

Чеслава его выхаживала, обнимала белыми руками, будто крыльями, все нашептывала, что он справится, но Доброгнев не верил ей, понял к тому времени: это она сына Владимира сгубила. Оттолкнуть колдунью царь тоже не мог: понимал, что она и его убить может. Боялся, чего скрывать, ужасно боялся ее разозлить.

В одно хмурое утро Доброгнев взял свое зеркальце, а оттуда на него посмотрела неведомая тварь: черная, глаза козлиные, алые, кровью налитые. И так и этак царь зеркальце крутил, а тварь все движения за ним повторяла. Понял тогда Доброгнев, что не лицо свое он видит в отражении, а душу, проданную колдушке за царские палаты.

Как был в исподнем, так и побежал он в березовую рошу, где среди черно-белых стволов стояли идолы царского рода. На колени упал, принялся челом о землю биться, причитал, умолял покровителей Владимирского рода простить его, но идолы не услышали, не послали весточки. Остались грозными изваяниями, а смотрели, казалось, не на Доброгнева, а прямо на его изуродованную, продажную душу.

Царь плакал, горько плакал. Столько слез пролил, сколько иная плакальщица за всю жизнь не выплачет. Сидел на земле, привалившись к одному из идолов, бормотал, что все сделает, лишь бы в Навь спокойно уйти, лишь бы не восстать из могилы заложным мертвецом.

Жена ему говорила, что дружба с Чеславой до добра не доведет, но кто ж слушал? Бедная, бедная Ружана! Знала бы она, на что он пошел, чтобы на трон сесть!

— Знала бы ты, милая! — воскликнул Доброгнев и в порыве отчаяния разорвал на груди ночную рубаху.

Пока Ружана его дома ждала, он с Чеславой возлег, слаб оказался, не сумел устоять перед ее красотой, перед юностью. А какие слова она говорила! Какие свершения обещала! Да только не сказала, проклятая, что за все это он своей душой заплатит!

Доброгнев встал покачиваясь, еще раз поклонился идолам, положил ладонь на теплое дерево и сказал:

— Что хотите со мной делайте, но жену и детей сберегите! Пусть я сгину, пусть земля разверзнется и черти рогатые меня с собой утащат, но дети пусть целы будут, только об этом молю!

Идолы остались немые, лишь ветер прошелестел над головой Доброгнева. Березы склонились, сережками заплакали. Так и стоял несчастный царь до темноты,

окруженный безмолвными изваяниями и деревьями, обнимающими его ветвями.

Доброгнев вернулся домой в ночи, но не к себе в палаты пошел, а к семье. Ружана у огня сидела, подняла голову от вышивки, услышав его шаги, улыбнулась робко. Затем заметила его рубаху порванную, подол, землей измазанный, хмуриться начала, открыла было рот, чтобы сказать что-то, но Доброгнев головой покачал и палец к губам приложил — молчи, мол.

Сел у ног жены, обнял их, голову тяжелую на колени ее положил и глаза закрыл. И как он мог, старый дурак, такую женщину на колдушку променять? Как мог в ее объятиях забыться, когда самая любимая, ласковая, добрая — вот она, только руку протяни! Бес попутал, точно околдовала его Чеслава, нет другого объяснения.

— Прости, родная, — сказал Доброгнев. — За все прости.

Ружана вздохнула, теплые руки на голову мужа положила, начала напевать колыбельную, которой детей в младенчестве убаюкивала. И так хорошо Доброгневу стало, так спокойно, будто и не было этих ужасных лет.

Царь поднял голову, посмотрел в глаза жены и вдруг увидел в них свое отражение — косматую голову с рогами, яростью пылающие очи и оскал звериный на черном лице!

Доброгнев испугался, отпрянул от Ружаны, а та знай руки к нему тянет, пытается успокоить.

— Отойди! — закричал Доброгнев. — Отойди, Ружана! Неужто не видишь, кто перед тобой?!

— Муж мой! — воскликнула та. — Отец моих детей! Что случилось с тобой? Расскажи! Я все выслушаю, все пойму, только не уходи снова к этой...

И увидел Доброгнев обиду невысказанную, увидел слезы непролитые в глазах жены. И так ему горько стало, что впору было утопиться.

— Поймала она меня в свои сети, — обреченно произнес царь. — Обещала богатство и жизнь долгую, сулила власть и уважение.

— Так разве не был ты богат, муж мой? — тихо спросила Ружана. — И люди тебя уважали, и Владимир любил как родного брата. И дети родились здоровыми, двое, благословили нас боги. И выросли красавцем и красавицей, ты только погляди на них! Чего же тебе не хватало?

— Ума, — выдохнул Доброгнев. — Ума мне не хватило, чтобы прогнать с порога колдушку.

— Так прогони сейчас! — Ружана шаг к мужу сделала, но тот отступил. — Доброгнев, вся власть в твоих руках, прогони девицу!

— Она из меня все силы выпила, погляди, на кого я похож стал...

Царь руки развел, показывая жене грудь опавшую, ребра торчащие и кожу серую. Не смогла Ружана слез сдержать, принялась утирать их рукавами.

— Это она Елисея сгубила... — прошептал Доброгнев. Ружана посмотрела на него, ожесточился ее взгляд.

— И ты знал об этом? — строго спросила она.

— Догадываться не так давно стал.

— Вот совесть тебя и заела! Ты почернел весь, исхудал, сразу видно, что на душе у тебя неспокойно! Прогони девицу и запрети ей возвращаться! А Елисей... Всю жизнь будем нести вину за смерть царевича, постараемся хорошо о его людях заботиться. Что ж сожалеть теперь? Сделанного не воротишь.

К огню сын и дочь подошли, заспанные, помятые со сна, но до того красивые, что у Доброгнева дыхание перехватило.

Похожи они были друг на друга, Станислав и Ведана: и темные кудри у них одинаковые, материнские, и глаза

голубые, и ростом вышли, и фигурами ладные — все лучшее от родителей взяли. Но надеялся Доброгнев, что сын его умнее отца окажется, что сможет стать царем достойным, не опорочит ни свое имя, ни имя рода Владимира.

— Дети... — Доброгнев протянул к ним руки, Ведана сразу же в объятия отца кинулась. Станислав же внимательно на них посмотрел, приблизился, но ластиться не торопился.

— Что же ты, сын? — голос Доброгнева дрогнул. — Неужто не обнимешь?

— Как удобно ты устроился, отец. Захочешь — утешение на груди матери найдешь, захочешь — в постели у своей грязной...

— Станислав! — Ружана тронула сына за плечо, но тот отшатнулся и зло продолжил:

— ...грязной девицы! А теперь, как я погляжу, ты решил вспомнить, что у тебя дети есть. Вот только опоздал ты, батюшка, выросли мы давно.

Станислав говорил так напористо и резко, что Доброгнев сам не заметил, как отступить начал. Ведана из объятий его выскользнула, за спиной брата встала, замерла безмолвной тенью.

— Вижу я, что вы выросли, — как мог спокойно начал Доброгнев. — И потому надеюсь, что вы поймете меня.

Губы сына презрительно изогнулись. Царю показалось, что Станислав плюнет ему под ноги, но тот сдержался, лишь крепче руку сестры сжал.

— Околдовали меня. Не понимал я, что делал.

— Понимал, — вдруг сказала Ведана. — Понимал, батюшка. Видела я в воде, как ты добро давал Чеславе на то, чтобы она зверем обратилась и на Владимира

напала. И кровь его на твоих руках теперь, не отмыться тебе.

Доброгнев тяжело осел на пол, уставился на дочь, которую лелеял с самого рождения.

— Что ты говоришь такое? Как это «видела в воде»?

Станислав задвинул сестру за спину, расправил плечи и сказал:

— Дар у нее — видеть то, что другим недоступно. Ведана все нам рассказала: и о смерти Владимира, и о хворе Елисея, и о том, чем ты с Чеславой занимался.

Ведана взгляд опустила, но перечить брату не спешила. Доброгневу стало трудно дышать, он хватал ртом воздух, но никак не мог восстановить дыхание.

— Ведающая, значит? — только и сумел прохрипеть он. — И имя ты ей неспроста дала?

Жена вздохнула, посмотрела на Доброгнева и ответила:

— Сон ко мне пришел перед самыми родами. Знала я, что дети наши особенными будут.

— Вижу я, что с тобой Чеслава сделала, — сказала Ведана. — Ничего человеческого в твоём облике не осталось. Ты проклят, батюшка, смертная тень за твоей спиной стоит.

— Как же мне исправить все?! — закричал Доброгнев. — Скажи! Я все что угодно сделаю, только дайте мне!..

— Торгуешься? Где это видано, чтобы царь торговался!

Мрак окутал горницу, затрепетали свечи. Станислав собой загородил мать и сестру, а Доброгнев отполз к очагу, оглушенный во сто крат усиленным голосом Чеславы.

Она вошла босая, с распущенными светлыми волосами, неподпоясанная, с глазами, горящими, как угли,

на бледном лице. А за спиной ее бесновались причудливые тени: хвостатые, рогатые, они метались по стенам горницы, забирались на потолок и грозили людям когтями.

— Поднимись, Доброгнев! — приказала Чеслава. — Прекрати в ногах у них ползать!

— Убирайся!

Станислав вышел вперед, встал перед колдушкой и кулаки сжал.

— Что ты собираешься сделать, царевич? — притворно-ласково спросила Чеслава. — Неужто...

Он плюнул ей в лицо, схватил за тонкую шею и стал душить.

Взметнулось пламя в очаге, опалило Доброгневу спину. Он вскочил, кинулся было к сыну, но дорогу преградила дочь.

— Не смей мешать ему! — выкрикнула она. — Давно пора избавиться от этой погани!

Чеслава задыхалась в руках Станислава, извивалась всем телом, ногтями царапала его руки, а тот лишь сильнее сжимал ее шею. Глаза колдушки покраснели и стали закатываться, тени вокруг плясали ужасный танец.

Вдруг Чеслава обратилась змеей, упала на пол и поползла прочь. Станислав попытался догнать ее, на хвост наступил, да только не вышло у него остановить колдушку: та извернулась и скрылась в темноте палат.

Черти, что на стенах танцевали, за ней бросились, как вдруг под потолком прогремел ее голос:

— Пожалеешь, царь! И дети твои пожалеют! Попомни мои слова: град твой превратится в пустошь безлюдную, мор заберет твоих людей! На месте палат твоих лишь гниющий могильник останется! А сын твой, посмевавший руку на меня поднять, сгинет бесславно! Да будет так!

Все затихло, будто и не было ничего. Мрак рассеялся, огонь свернулся ласковым котом в очаге, свечи перестали трепетать.

Станислав к отцу повернулся, плюнул ему под ноги и сказал:

— И тебе бы лучше за ней последовать!

— Как же он людей без царя оставит? — заступилась за Доброгнева жена.

— Будет у людей царь, — тихо сказала Ведана. — Елисей вернется. Царевич жив, верные сердца его окружают. Они приведут его в Ярилов град и усадят на трон.

— А что же с нами будет? — только и сумел спросить Доброгнев.

— Не ведаю, батюшка.

— Но коль за трон решишь держаться... — начал было Станислав, но царь перебил его:

— Не нужен мне трон! Все, нацарствовался. Уповать буду на доброе сердце царевича, пусть он решает, как со мной быть.

Ружана к Доброгневу приблизилась, робко взяла его за руку. Знал он, что жалости ее недостойн, что любви жены не заслуживает, оттого и заплакал, словно дитя. Горько ему было, больно, а еще больнее оттого, что собственные дети его знать не желали.

— Натворил ты бед, батюшка, — тихо сказала Ведана.

— Отстаивать тебя перед Елисеем мы не станем! — твердо добавил Станислав.

— И не нужно, — откликнулся Доброгнев. — Вы только простить меня попытайтесь. Знаю, что время на это уйдет, но коль боги будут милостивы, я дождусь этого дня.

Брат с сестрой переглянулись, за руки взялись и вышли из горницы. Ружана слезы утерла, сказала тихо:

— Совсем взрослые стали.

— А я и не заметил, — прошептал Доброгнев. — Все упустил...

— Ты теперь жизнью своей доказывать им должен, что не свернешь больше с пути истинного! — горячо сказала жена.

— А тебе? — Доброгнев повернулся к Ружане, обхватил ее лицо ладонями и спросил: — Как мне твое прощение заслужить, родная?

— Делами, муж мой. Меньше болтай, больше делай. Царевичу помоги, когда он вернется. В ноги ему падай, умоляй простить. Правду расскажи. Не лукавь, не пытайся схитрить. Вины твоей во всем случившемся не меньше, чем вины Чеславы.

— Обещаю, родная. — Доброгнев устало кивнул. — Как думаешь, стоит нам опасаться колдушки? Вернется ли она?

— Такие, как она, всегда возвращаются, — с горечью в голосе ответила Ружана.

Первые петухи пропели. Заря за окошком занималась.

